

15 апр. 98
Евгений Комиссаров

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Семидесятые-восьмидесятые годы можно назвать не только временем Брежнева, но и временем "Литературной газеты". Это была великолепная газета для всех. Десертом "Литературки", причем десертом изысканным, была ее последняя страница — "Клуб 12 стульев". Много лет эту страницу украшал своим присутствием известный поэт и сатирик Евгений Сазонов.

Писатель Лифшиц (литературный псевдоним Евгений Сазонов) в 1956 году поселился вместе с женой, художницей Ириной Лифшиц, в писательско-кооперативном доме №4 на улице Черняховского у станции метро "Аэропорт". Его сын, Лев Владимирович Лифшиц-Лосев, хорошо помнит, как отец и Ирина Николаевна не стали дожидаться, пока в новом доме дадут воду, и вселились чуть ли не первыми, так им надоело скитаться по комнатам, снимая углы.

Квартиру очень скоро обжили, все стены заняли книги и картины. У Ирины было одно из лучших собраний акварелей Максимилиана Волошина. Лев Владимирович помнит отцовский стол — старинный стол XIX века из красного дерева. Вообще в этом доме было много старинных вещей — книг, столового серебра, картин. Собственно и сам дом, в котором поселился Евгений Сазонов, представлял собою нечто высокохудожественное. В нем жили Симонов, Арбузов, Штейн, Шкловский, Галич, этот дом воспел Беллой Ахмадулиной, поселившейся в свое время в квартире Галича, здесь — место действия знаменитой "Иванькиады" Войновича.

В 1976 году уехал в Америку Лев Лосев. Уехал вслед за Иосифом Бродским, который был не только его другом, но и частью его духовной жизни. А два года спустя умер Владимир Лифшиц. Ирина Николаевна осталась одна в трехкомнатной квартире. Своих детей у нее не было, поэтому Льва она называла сыном, относилась к нему как к собственному ребенку и связь между ними не прерывалась.

Когда появилась возможность, Лев Владимирович стал присылать своей приемной матери деньги, 250 долларов ежемесячно. Нужды Ирина Николаевна не испытывала, и то, что присылал сын, откладывала на книжку, на черный день. Никто ведь не знает, когда он настанет, этот черный день.

А он взял и настал. 80-летняя Ирина Николаевна стала слепнуть. Можно представить себе состояние ее духа, когда она, совершенно одна в огромной пустой квартире, поняла, что стала беспомощна, как ребенок.

Квартира Ирины Николаевны находится на четвертом этаже, а на первом живет Наталья Гайдай. С ней нам надо познакомиться поближе, потому что с этой минуты она становится главным действующим лицом моего рассказа.

Кто же она такая? Говорят, спекулянтка. Впрочем, сейчас таких людей принято называть коммерсантами. Ну пусть. Весь писательский дом знает, что Гайдай — большая специалистка в области антиквариата и ювелирных изделий. Она не только научилась зарабатывать на жизнь, торгуя и скупая антиквариат, но и свою двухкомнатную квартиру на седьмом этаже сделала уютной благодаря все тем же старинным вещам.

Правда, и у коммерсантов бывают просчеты. Несколько лет назад Наталья Гайдай задумала строить дачу в престижном поселке — на продажу, разумеется. Строила дачу — а построила финансовую пирамиду. Ни выгодно продать загородный дом, ни отдать долги многочисленным соседям, у которых под большие проценты она взяла десятки тысяч долларов, Наталья Викторовна вовремя не смогла. А чтобы простодушные писатели не конфисковали, обратившись в суд, не дай бог, квартиру, гараж, машину, она перевела все имущество на сына, Сергея Гайдаю. Но долги-то остались...

В 1996 году Наталья Гайдай предложила ослепшей Ирине Николаевне Лифшиц "выгодную" сделку. Ирина Николаевна продает Гайдаю свою трехкомнатную квартиру и покупает у нее двухкомнатную в обмен на обещание ухаживать за ней до конца жизни.

Формально владельцем квартиры стал Сергей — сделка совершена от его имени. При этом нигде и словом не упоминается пустяк: разница в цене. По оценке БТИ эта разница составляет 56 миллионов рублей, рыночный же эквивалент составляет 40 тысяч долларов. Впрочем, зачем деньги старушке, которая еле дышит? Все деньги, которые она получала от Льва Лосева, как мы помним, ежемесячно поступали на счет в Сбербанке. Ко времени, о котором идет речь, там было приблизительно пять тысяч долларов. К тому же и пенсия у Ирины Николаевны немалая — 540 тысяч. Ну в самом деле, куда ей столько? Деньги на том свете вряд ли годятся — так, очевидно, рассуждала практичная Наталья Викторовна и, будучи владелицей генеральной доверенности от Ирины Николаевны, освободила ее сберкнижку от наличных денег.

В январе 1998 года Ирина Николаевна пригласила к себе для конфиденциальной беседы старинного друга семьи Эмилия Погосовича Казанджана.

Эмиль Погосович по нынешним временам такая же редкость, как хорошая погода. Казанджан родом из интеллигентной московской армянской семьи, владеец изумительной библиотеки, всю жизнь служил единственной страсти — книгам. Его дружба с семьей Лифшиц насчитывает почти полвека. Вот к этому-то человеку и обратилась Ирина Николаевна Лифшиц за помощью.

— Она откровенно ждет моей смерти, — сказала Ирина Николаевна, рассказывая о поведении Гайдай. — И не кормит меня. Но мне много не надо, я блокадница...

Ирина Николаевна, поняв, что стала жертвой классической квартирной аферы, попросила Казанджана обратиться от ее имени в суд с иском о признании сделки с Гайдай недействительной. Беседа происходила в присутствии адвоката Сергея Дмитриевича Пронина. На другой день к Ирине Николаевне пришла нотариус Ольга Михайловна Бирюкова. Была оформлена доверен-

ной мере уже не является, — цинизм того нотариуса, который удостоверил сие ходатайство, даже мил своей неприкрытостью.

Берут ли нотариусы взятки? Я знаю ответ на этот вопрос. По-моему, вы тоже.

В зале повисла тишина. И тут судья говорит: едем на улицу Черняховского. Будем проводить выездное заседание суда. Об этом можно было только мечтать! Спусти двадцать минут судья, помощник прокурора, секретарь, истец и ответчица, Лев Лосев, его друзья-американцы, адво-

ПРАВОСУДИЕ

ность Казанджану на ведение гражданских и уголовных дел от имени Лифшиц.

В последних числах января Ирина Николаевна перенесла, судя по всему, микроинсульт. В результате она перестала самостоятельно вставать, а главное — стало стремительно развиваться старческое слабоумие.

5 и 27 марта судья Бутырского суда Чаплина провела с Казанджаном и Гайдай досудебные встречи, так называемое собеседование.

На одной из досудебных встреч адвокат Ирины Николаевны попросила судью Чаплину подписать два запроса: первый — в Сбербанк, чтобы узнать о движении денег на счетах Лифшиц, второй — о принадлежности квартир Лифшиц и Гайдай. Чаплина уже подписала первый запрос, как вдруг Наталья Викторовна Гайдай и говорит судье: не стоит беспокоиться, я все деньги с книжки Лифшиц сняла. **А двухкомнатную квартиру, которую Ирина Николаевна купила вместо своей трехкомнатной, Наталья Викторовна, оказывается, тоже переписала на себя. Ну не на себя — мы ведь помним, у нее большие долги — а на своего сына. Таким образом, обе квартиры оказались собственностью Сергея Гайдаю.** И тут судья говорит: раз так — запрос не нужен. И перечеркнула подписи, которую она только что поставила на первом документе. То есть все понятно, Наталья Викторовна нам все объяснила. Какие, черт возьми, запросы? Очевидно, в этот момент перегруженная работой судья Чаплина искренне полагала, что Наталья Гайдай — ближайшая родственница Ирины Николаевны Лифшиц, чем и объясняется такая трогательная забота об имуществе ослепшей старушки. Доверенное лицо Эмиль Казанджан был лишним на этом празднике жизни.

СЛЕДЫ ДЛЯ СЛЕПЫХ

7 апреля состоялось наконец заседание суда. Накануне в Москву после долгого отсутствия прилетел из Америки Лев Лосев. О нем все как-то позабыли. Между тем именно Льву Лосеву Ирина Николаевна завещала свое имущество. Завещание подписано давно и с тех пор не изменялось. Но не имущество взволновало Лосева. Он приехал, потому что Ирина Николаевна попала в беду.

И тут-то я и увидела впервые Наталью Викторовну Гайдаю. Могу сказать лишь, что о том, какая она проказница и выдумщица, глядя на нее, догадаться решительно невозможно. Знаете такое выражение: "серая мышка"? Это о ней. Неслышная поступя, вкрадчивый голос, робкий взгляд. Возраста нет. О том, что человек знает толк в бриллиантах, тоже нет и помину. Скромность, скромность и еще раз скромность.

Первым делом судья осведомилась, приехала ли в суд Ирина Николаевна Лифшиц. Эмиль Погосович начал объяснять судье, что она ослепла и практически не ходит. На лице судьи отразилась смертная мука: слушать Казанджана ей не хотелось. Не чинясь, судья призналась ему в этом. Тогда Казанджан начал заявлять ходатайства. Судья поинтересовалась у Гайдай — не возражает ли ответчица? Нет, не возражает. Очень хорошо. Ходатайства удовлетворены.

И вдруг Наталья Викторовна встает и едва слышным голосом, дрожа от скромности, говорит, что у нее тоже есть заявление. Ирина Николаевна попросила передать судье отказ от всех исковых требований. Документ подписан 30 марта. Учтивая, что с середины января Ирина Николаевна начала подолгу разговаривать со своим умершим мужем и постоянно интересуется, пришел ли он домой, — то есть вменяемой в

Коллаж Владимира Жаханова.

каты Лифшиц и автор этих строк вошли в квартиру Ирины Николаевны.

Вставшие дыбом волосы помешали мне тотчас оглядеться. Потом я огляделась. О том, что отсюда долго и тщательно выносили вещи, нетрудно было догадаться по зияющим пустотам на полках и по следам мебели на полу. Лев Лосев не удержался: оказывается, исчез антикварный стол его отца, исчезли старинные английские часы, книги. Но все это пустяки по сравнению с тем, что мы увидели в комнате Ирины Николаевны. Слепая старуха, вытянувшись на диване, который, казалось, тоже приготовились выносить, силилась понять, что за люди пришли в ее дом. Судья громко сказала: "Здравствуйте, Ирина Николаевна, я судья Чаплина, мы приехали к вам для того, чтобы..."

Разве можно пересказать то, что там происходило. Это была сцена из античной трагедии. От каждого слова Ирины Николаевны сыла кровь. Помнит ли она, что подписывала договор купли-продажи? "Ничего я не подписывала, — собравшись с силами, выдыхает она. — Чего подписывать, это же Лешенькина квартира (так с детства называли Лосева дома). Он вот уехал в Америку, вернется — где он будет жить? Это его квартира".

И каждая пауза заполнена вкрадчивым голосом Натальи Викторовны: "Ирина Николаевна, вам пора капельки в глаза закапать?" "А кушать не хотите, Ирина Николаевна?"

Сиделка, нанятая сыном, стояла за дверью, не в силах вымолвить ни слова.

Напоследок судья спрашивает, чего хочет Ирина Николаевна.

Та отвечает: "Я хочу умереть. И мне безразлично, похоронят ли меня. Главное — поскорей умереть".

Мы возвращаемся в суд в полном молчании. Наконец-то все разъяснилось. Сейчас судья допросит Льва Лосева, специально приехавшего из Америки для участия в этом процессе...

— Значит, так, — судья оглядывает зал, — значит, вот что. Надо привлечь собес как незаинтересованную сторону. Следующее заседание 5 июня. Все свободны.

А Лосев, приехавший из Америки? Да плевать на него, он же инопланетянин. Через два месяца Ирины Николаевны может не оказаться в живых? Все мы там будем. Сегодня ты, а завтра я. Зато Наталья Викторовна Гайдай довольна. Берут ли судьи взятки?

Я знаю ответ на этот вопрос. По-моему, вы тоже.

На другой день Эмиль Погосович приехал к Ирине Николаевне, потому что сиделка закончила свою работу, новую найти не успели, и нужно было накормить больную.

В дверь позвонили. На пороге стояла Гайдай и два сотрудника 12-го отделения милиции. По словам стражей порядка, они прибыли для того, чтобы выяснить, в порядке ли у Эмиля документы — он ведь лицо кавказской национальности. Проверили. Убедились в том, что Эмиль прописан на соседней улице. Обыскали его, отобрали ключи от квартиры Лифшиц, растолковали, что, если он будет неправильно себя вести, на него наденут наручники, и отвели в 12-е отделение милиции, где продержали довольно долго. Все от начала до конца — в нарушение закона.

Судя по старательности, с которой взялись за устранение Казанджана, перед милиционерами стояла задача как можно быстрее дать возможность Гайдаю занять оборону в квартире упрямой старухи, которая никак не умирает. Милиция с задачей справилась. Гайдай поменяла замки в квартире. Когда приехал Лосев, она сказала, что в квартиру его не пустит. Это ее квартира.

Лосев пошел в 12-е отделение и попросил принять у него заявление о том, что его не пускают в квартиру к больной маме, что ее фактически взяли в заложники. Лосева выгнали из отделения. Он поехал в Савеловскую прокуратуру и оставил там заявление о том, что квартира ограблена, а Ирина Николаевна заперта, и никакой связи с ней нет. Что там делает с ней проказница Наталья Викторовна, объективно заинтересованная в ее скорой кончине, — неизвестно. Заявление в прокуратуру приняли.

На другой день, а именно 11 апреля, мы с Лосевым снова приехали в милицию. Там объяснили, что Гайдай в квартиру никого не пустит и ничего с этим не поделаешь. Участковый набрал номер телефона злополучной квартиры, обменялся с Гайдаю двумя словами и передал трубку Лосеву. Гайдай сообщила Лосеву, что Ирина Николаевна спит.

Вечером этого дня Эмилю Казанджану позвонил мужчина и красивым баритоном посоветовал никогда больше не появляться в доме номер 4 и в 12-м отделении милиции.

Берут ли в милиции взятки? Я знаю ответ на этот вопрос. По-моему, вы тоже.

Неужели мало в России обворовали и убили стариков, чтобы нужно было приезжать из Америки и доказывать? Гайдай — воровка на доверие. Подписав договор купли-продажи с беспомощным человеком, она не потрудилась заплатить разницу в стоимости квартир — ни по оценке БТИ, ни тем более реальную рыночную. Сделка не доведена до конца. Это первое. И второе: Ирина Николаевна из квартиры своей никогда не выписывалась, вещи не переносила, в "новой" квартире ни одной минуты не жила и, возможно, туда даже не заходила. Тем более она понятия не имеет о том, что такой Сергей Гайдай, человек, которому она якобы продала свою квартиру. Она его никогда не видела. То есть фактически сделка носит ничтожный характер.

О второй сделке стоит поговорить поподробней. Пользуясь выданной ей некогда генеральной доверенностью, Гайдай и ту квартиру, которую якобы купила Ирина Николаевна, тоже переписала на своего сына. То есть на сегодняшний день Лифшиц обворована дотла. Гайдай получила в 12-м отделении милиции даже второй паспорт на имя Лифшиц, хотя в суде и в милиции прекрасно знают о том, что паспорт находится у Эмиля Казанджана. То есть все знают о том, что паспорт не утерян. Теперь выдан второй. Для чего? Чтобы выписать Лифшиц прямо на кладбище?

Я пишу эти строки и не знаю, жива ли Ирина Николаевна Лифшиц, взятая в заложники Натальей Гайдаю в центре Москвы, у станции метро "Аэропорт".

Но одно я знаю точно: если прокуратура не положит конец всему этому скотству — Ирине Николаевне остается только позавидовать. Она умрет и ничего этого больше не услышит. А мы останемся. Но стоит ли считать нас живыми?

Ольга БОГУСЛАВСКАЯ.